Научная статья
УДК 77.0
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-137
EDN CTSNXY

**Визуальные диспозитивы советского пространства
Архангельского Севера 1920–1930-х гг. (по материалам
фотографической коллекции Архангельского краеведческого музея)**

Валентина Сергеевна Кузнецова

Аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени
М. В. Ломоносова, г. Архангельск
kuznecova.vs@kraeved29.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0299-7438>

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования в области визуальной культуры Русского Севера XIX–XX вв., полученные в ходе анализа процесса трансформации традиционного социокультурного и идеационного пространства России, отображенного в визуальных (светописных) образах новой советской семиотики фотографического художества. Автор ставит перед собой цель реконструировать систему визуальных диспозитивов (геокультурных образов) зрительного пространства ранней советской фотографии. Актуальность исследования обусловлена включением проведенного анализа в контекст современных исследований как локальной (провинциальной) традиции в общей системе российской культуры, так и визуальных форм советской культуры в начальный период ее истории. Научная новизна полученных результатов определена как небольшим количеством специальных исследований в данной проблемно-предметной области, так и введением в научный оборот широкого круга визуальных источников, позволяющих воссоздать панорамную картину культурного ландшафта возникавшего советского образа жизни на северных и арктических рубежах социалистического Отечества. Методологическую основу исследования составил геокультурный подход, разработанный в трудах известного российского культуролога и географа, основоположника отечественной гуманитарной географии Д. Н. Замятина, а также методы визуальной семиотики, важный вклад в развитие которой вносят исследования С. С. Аванесова. Проведенный автором анализ светописной семиосферы Архангельского Севера 20–30-х гг. XX в., запечатленной в коллекции архива фотодокументов Архангельского краеведческого музея, позволил получить обоснованные и достоверные научные результаты, эксплицированные в авторской концепции визуальных диспозитивов (образов) советского идеологического и социокультурного пространства Северного края в эпоху «великих перемен».

Ключевые слова: диспозитивы; геокультурные образы; визуальная семиотика; фотография; Архангельский краеведческий музей; Северный край; светопись; советское пространство

© Кузнецова В. С., 2025

Для цитирования: Кузнецова В. С. Визуальные диспозитивы советского пространства Архангельского Севера 1920–1930-х гг. (по материалам фотографической коллекции Архангельского краеведческого музея) // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 137–154. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-137>. <https://elibrary.ru/CTSNXY>.

Original article

Visual dispositives of the soviet Arkhangelsk North in 1920–1930s (based on the photographic collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore)

Valentina S. Kuznetsova

Postgraduate student, Northern (arctic) federal university named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

kuznetsova.vs@kraeved29.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0299-7438>

Abstract. The article presents scientific research results in the field of XIX–XX centuries Russian North's visual culture, obtained through analyzing the transformation of traditional socio-cultural and ideational Russia's space, displayed in visual (photographic) images of the new Soviet semiotics of photographic art. The author aims to reconstruct the system of visual dispositives (geocultural images) of the early Soviet photography visual space. The research is relevant due to its integration into the context of contemporary studies of both the local (provincial) tradition in the Russian culture system and the visual forms of Soviet culture in the initial period of its history. The scientific novelty of the study results is determined both by the limited number of relevant specialist researches and by the introduction of a wide range of visual sources that provide a panoramic picture of the cultural landscape of the emerging new Soviet way of life in the northern and arctic frontiers of the socialist Motherland. The methodological basis for the study is the geocultural approach outlined in the works of the famous Russian cultural scientist and geographer, the founder of Russian humanitarian geography D. N. Zamyatin, as well as the methods of visual semiotics, an important contribution to which is made by S. S. Avanesov's work. The author's analysis of the Arkhangelsk North's photographic semiosphere in the 1920s–30s, captured in the photographic documents from the collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore, resulted in reasonable and reliable scientific results, explicated in the author's concept of visual dispositives (images) of the Soviet ideological and socio-cultural space in the Northern region at the time of “great changes”.

Key words: dispositives; geocultural images; visual semiotics; photograph; Arkhangelsk Museum of Local Lore; Northern region; photography; Soviet space

For citation: Kuznetsova V. S. Visual dispositives of the soviet Arkhangelsk North in 1920–1930s (based on the photographic collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore). *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 137–154. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-137>. <https://elibrary.ru/CTSNXY>.

Введение

Актуальность, теоретическая и практическая значимость исследования визуальных диспозитивов (геокультурных образов) советского пространства Архангельского Севера 1920–1930-х гг. обусловлены как сложившейся историографической ситуацией в изучении проблемы, так и особым научным и прикладным значением светописного наследия, являющего собой важный историко-культурный источник и знаковую сферу визуальной культуры Русского Севера XX в.

Говоря о степени изученности данной темы, следует отметить, прежде всего, отсутствие специальных региональных исследований в области истории и теории визуальной культуры Северного края в первые десятилетия советской власти. Для целей данной работы наибольшее значение представили труды известного исследователя культурной географии и советского пространства В. Л. Каганского [Каганский, 2001], а также публикации фотокниг СССР М. С. Карасика [Карасик, 2015]. Исследованием фотографического дела Архангельской области, а также материалов из коллекции Архангельского краеведческого музея занималась Е. П. Бронникова [Бронникова, 2013].

Источниковую базу исследования составили коллекции фотографий из фонда Архангельского краеведческого музея.

Методы исследования

В качестве методологической основы избраны геокультурный подход и методика визуальной семиотики [Аванесов, 2014], развиваемые в трудах известного российского культуролога и географа Д. Н. Замятина, разработавшего оптику исследования геокультурных образов пространства Арктики, опирающуюся на построение (конструирование) «ландшафтных ассамбляжей, которые репрезентируются теми или иными визуальными диспозитивами. Под визуальными диспозитивами понимаются устойчиво воспроизводимые феноменологически фиксируемые визуальные ландшафтные (геокультурные образы)» [Замятин, 2021, с. 48].

Помимо методов визуальной семиотики, в статье использована методика контент-анализа, предполагающего количественное исследование массивов визуальных (светописных) текстов, выявления смыслового и символического содержания фотодокументов. Смысловыми единицами являются представленные нами диспозитивы, а в качестве единицы анализа были избраны названия событий, ключевые слова, содержащиеся в описании музейного предмета в Музейной информационной автоматизированной системе КАМИС (электронная база данных музея). Единицы счета – определенный образ на фотографии или же сама фотография.

Целью нашего исследования является конструирование системы

визуальных диспозитивов (геокультурных образов) советского пространства Архангельского севера 1920–1930-х гг., отраженных в коллекции фотографий Архангельского краеведческого музея.

**История формирования
фотографической коллекции
Архангельского краеведческого
музея**

Фотографическая коллекция Архангельского краеведческого музея содержит более 17 000 фотоснимков основного фонда и более 29 000 научно-вспомогательного фонда. Фотографии датированы второй половиной XIX в., начиная с 1860-х, и концом XX в. В своем составе коллекция музея за период 1920–1930-х гг. в основном имеет фотографии документального и репортажного характера. Художественных фотографий или же авангардистских фотоколлажей в фонде нет. Отсутствует также цветная фотография, так как до 1917 г. «число русских деятелей в этой области было... весьма ограничено» [Напельбаум, 1958, с. 110], а в советское время активные исследования в области цветографических методов начинаются с 1930 г. и первые успехи будут заметны в более поздний период. Изменения, происходившие в геокультурном пространстве севера России в первые десятилетия советской власти, нашли свое отражение в искусстве фотографии. И в тоже время «сама фотография в основных чертах

сформировалась в промежутке 1925–1935 гг., тогда сложились ее эстетические нормативы и идеологическое обрамление» [Стигнеев, 2005, с. 6]. В музейном собрании хранятся около 5 500 фотографий периода 1920–1930-х гг. Количество фотографий указано приблизительно, поскольку на данный момент сложно провести точную атрибуцию фотографий, которые были переданы в музей без указания даты изготовления снимка или произошедшего события, запечатленного на нём.

Метод хранения и систематизации коллекции не менялся годами. Сдаваемые в фонд музея частными и юридическими лицами фотографии нумеруются и хранятся в том же порядке, в котором сдавались, независимо от года, когда снимок был сделан, или жанра, тематики. В одной папке могут оказаться фотографии разных лет, разных жанров, что затрудняет работу по классификации коллекции и её анализ.

Доминирующая часть коллекции была сформирована в советскую эпоху, что наложило отпечаток на содержание фонда фотографии. С первых лет строительства социализма фотография рассматривалась как одно «из ключевых средств пропаганды и борьбы за контроль над общественным мнением» [Логинов, 2015, с. 147]. И если «1920-е годы XX века многие исследователи признают, как “золотую пору” отечественной фотографии, потому что она была в тесном контакте с

академической наукой, имела свой центр в престижном научном учреждении – Государственной академии художественных наук (ГАХН). В конце 1923 г. была создана программа по изучению художественной светописы, были подготовлены и опубликованы доклады о новейших достижениях фотографии в Советской России и на Западе» [Горбаткова, 2014, с. 21], то развитие и положение фотографического искусства, «в Советском Союзе 1930-х г. в значительной степени было обусловлено оказываемым “сверху” политико-идеологическим давлением» [Заковырина, 2006, с. 35].

Исследователи полагают, что со второй половины 1920-х гг. «среди фотообщественности развернулась борьба за новую советскую тематику, за активное участие средствами фотографии в решении задач, выдвигаемых партией Ленина-Сталина. Достижения фотографии, существовавшей до 1917 г., нивелировались, так как содержали буржуазные корни, были далеки от реальности, подчеркивали детали и смыслы, чуждые пролетарскому сознанию» [Горбаткова, 2014, с. 21]. С начала 1920-х годов в советской России началось «строительство новой жизни», что повлекло за собой появление новых задач и в сфере искусства. Молодому государству требовалась мощная агитация, которая должна была дойти до каждого человека. Одним из наиболее эффективных и понятных инстру-

ментов пропаганды великих свершений того времени по праву считалась фотохроника [История российской фотожурналистики ...]. Искусствовед И. Соколов писал в журнале «Фотограф» про этот период так: «сейчас перед фотоискусством встает сложная и ответственная проблема стиля нашей эпохи» [Соколов, 1928, с. 327].

Таким образом, изучая фотографии 1920–1930-х гг., «необходимо рассматривать их с точки зрения социальных реалий (без понимания изображенных на фото сюжетов и их социальных функций не обойтись), в политическом контексте» [Дроздова-Пичурина, 2012, с. 80], учитывая, что для фонда АОКМ отбирались фотографии, декларирующие преимущества советского строя. В 1990-е гг. фонд начал пополняться фотоснимками, хранившимися в частных коллекциях, сделанными репрессированными фотографами, а также снимками, касающимися репрессий советского периода (спецпереселенцы). В настоящее время в фонд поступают фотографии большей частью периода советской эпохи. Фотографии, сделанные в конце XX в. и в первой четверти XXI в., пополняют фонд музея реже. Это связано с тем, что профессиональные фотографы и любители перешли на цифровую фотографию.

Результаты исследования

Первоначально фотографии периода 1920–1930-х гг. были распределены нами по разделам согласно методическим рекоменда-

ям научного описания фотодокументов (фотоотпечатков): одиночный портрет, групповой портрет, событийно-сюжетное изображение, производственный процесс, архитектурный объект и т. д. [Научное описание..., 2004, с. 6–7] – и рассмотрены в контексте геокультурного пространства: историко-культурный ландшафт (городской, аграрный, промышленный) и природный ландшафт.

В результате нами были выделены следующие визуальные диспозитивы:

- диспозитив собраний;
 - диспозитив коллективов;
 - диспозитив персоналий;
- диспозитив созидания, создания «нового»;
- диспозитив разрушения «старого» и репрессий;
 - диспозитив агитационных мероприятий и советских праздников;
 - диспозитив освоения арктических территорий.

Административно-территориальные границы севера России менялись на протяжении первых двух десятилетий существования советской власти три раза. В 1918 г. были созданы Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская губернии, в 1929 г. их объединили с присоединением автономной области Коми, новая административно-территориальная единица получила название Северный край; в 1936–1937 гг. были образованы Архангельская, Вологодская области, автономная республика Коми. Северо-Двинская губерния была разделе-

на между несколькими областями и Республикой Коми.

Геокультурные изменения севера России были отражены в фотоснимках того периода. Групповые снимки, завершающие тот или иной съезд, конференцию, по большей части, имеют или подпись внизу снимка (этикетаж), или надпись на обороте фотографии с указанием административно-территориальной единицы, которая существовала в тот год: указывались Архангельская или Северо-Двинская губернии, Северный край, Архангельская область или указывался город – центр губернии. К примеру: «АОКМ КП-24547/56 Фотография. Совещание делегатов губернского съезда Советов. Великий Устюг, 1927 г.»¹. Великий Устюг был центром Северо-Двинской губернии.

Если проходил, к примеру, городской районный пленум, то указывался город: «АОКМ КП-22545 Фотография групповая. Расширенный пленум Архгубкома РЛКСМ VI созыва, 1925 г.». Надписи с указанием места на обороте фотографии есть и на групповых снимках различных коллективов, и на одиночных фотографиях: «АОКМ КП-24547/58 Фотография. Мария Губина – первая женщина-милиционер в Северо-Двинской губернии, 1929 г.».

Диспозитив собраний, съездов, конференций, пленумов

Ю. С. Смирнова в аннотации к альбому фотографий «Советские съезды и заседания: фотографии с 1918 по 1981 год» пишет, что

«с установлением советской власти появилась новая традиция времени – партийные собрания. Сессии Верховного Совета, всесоюзные партийные съезды, различные конгрессы, конференции и заседания на уровнях от всего Советского Союза до отдельно взятого колхоза стали центральными событиями публичного пространства» [Смирнова]. Свод фотографий губернских, уездных, городских и т. д. партийных съездов, пленумов и конференций, хранящийся в коллекции Архангельского краеведческого музея, обширен, но в визуальном отношении недостаточно разнообразен. В основном он представлен групповыми снимками участников мероприятий: «АОКМ КП-21895 Фотография. XVII Шенкурский уездной съезд Советов. 1926 г.», «АОКМ КП-24657/18 Фотография. Участники XIII Архангельской Городской Районной партийной конференции, 1928 г.». Снимки, сделанные во время самого мероприятия подобного рода, в этот период практически не встречаются, в отличие от фотографий партийных съездов более позднего периода, которые освещались всесторонне (к примеру, освещение 26 съезда КПСС). Кроме партийных съездов, конференций и пленумов, проходили совещания, конференции, семинары работников разных отраслей и общественных организаций: «I конференция торговых работников», «VIII губернский съезд работников просвеще-

ния, 1926 г.», «I краевая конференция Союза Воинствующих Безбожников 10–12 октября 1929 г.» и т. п.

Большая часть групповых снимков выполнена в помещении, но есть фотографии, сделанные в городском, сельском ландшафте или на фоне природы. Например, можно атрибутировать уличные снимки, снятые на фоне исторических зданий, бывших культовых сооружений – Сурское подворье, Соловецкое подворье в Архангельске «АОКМ 24657/20 8 губернский съезд, 1927 г.». В коллекции много фотографий, на которых группы людей запечатлены на ступенях (на крыльце) различных зданий. Зачастую в такие кадры попадает стена с окнами, в которых видны люди. Визуальными знаками являются вывески с названиями учреждений, лозунги, плакаты, знамена.

На снимках, сделанных в помещении, можно выделить следующие визуальные знаки: головные уборы, одежда и обувь участников, награды, а также знамена, вымпелы, стенгазеты, на фоне которых сделан групповой снимок. А. Н. Соболева в статье «Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг.» пишет, что «наиболее распространенной мужской одеждой были рубаха с отложным воротником, заправляемая в брюки, гимнастерка, пиджак, кепка. Костюм женщин и молодых девушек чаще всего состоял из юбки с кофтой. Знаковыми атрибутами становились красная косынка и

кожаная куртка, ношение которых выражало приобщение к соответствующим идеалам и ценностям» [Соболева, 2018, с. 22]. На фотографиях 1920-х гг. коллекции АОКМ одежда отличается большой вариативностью: на снимках можно увидеть шинель периода Первой мировой войны, высокие кожаные сапоги, растоптанные ботинки, нарядный меховой убор, кокетливую шапочку, приталенное пальто у девушки-горожанки, низко повязанные головные платки у деревенских девушек. В основном, такое разнообразие в одежде касается молодежных групп: «АОКМ 25791 КП Бюро, 1920 г.» (девушка в центре в каракулевой шапочке-папахе, такие же воротник и манжеты у пальто), «АОКМ КП 25877 Онежский Уком, 1926 г.» (кожаные куртки, высокие кожаные сапоги). На одном снимке могут быть представители разных слоев населения. Но, в целом, «стилистика и выразительные приемы снимков не жаловали большим разнообразием» [Стигнеев, 2005, с. 32].

Отличительным признаком групповых снимков этого периода является то, каким образом располагаются участники вышеуказанных собраний в процессе съемки: они стоят или сидят «плечом к плечу», в несколько рядов (задние ряды стоят на возвышении: на ступенях крыльца или специально подготовленных скамейках), очень скученно, несколько человек чаще всего ложатся на пол или на землю

перед первым рядом. С одной стороны, по словам О. Бойцовой, это «решает задачу фронтального размещения моделей в кадре и равномерного распределения группы перед объективом: позирующие должны быть повернуты лицом к фотографу (оттого лежащие на боку и принимают эту довольно неустойчивую позу) и при этом не должны загораживать других» [Бойцова, 2013, с. 33].

С другой стороны, по мнению Н. В. Афанасьевской, «Фотография как символ всегда соотносена с социумом, с областью ее применения. На основе определенных конвенций те или иные жесты, позы на фотографии могут символизировать что-либо, то есть фотография представляет собой источник символики определенного рода» [Афанасьевская, 2018, с. 58]. В данном случае тесное расположение участников символизируют единение, сплоченность, выражение лиц – важность и значимость происходящего. Лица участников собраний выглядят очень серьезными, сосредоточенными, порой мрачными.

Нельзя и исключать желание участников собраний любым способом попасть в кадр. Представляет интерес снимок «АОКМ КП-21890 Фотография. XVIII-е собрание уполномоченных Архангельского Союза кооперативов, 1926 г.». На этой фотографии около 200 человек на фоне кирпичной стены, в кадре два дерева, на которые влезли несколько участников. На другой фотографии муж-

чины сидят на створах открытых дверей «АОКМ 25768 6 Онежская конференция. 1924 г.»).

В ходе контент-анализа мы определили следующие ключевые слова, которые стали единицами анализа: «собрание», «съезд», «конференция», «пленум», «слет», «заседание», «делегация». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 19,5 % от общего количества фотографий периода 1920-1930-х гг.

Диспозитив коллективов

Фотографии, на которых запечатлены сотрудники советских учреждений, коллективы лесозаводов, рабочих промышленных предприятий, а также первые колхозники, работники культуры, учителя, ученики и студенты, спортсмены менее официальны и в визуальном отношении более разнообразны. Фотографии описаны так же, как групповые снимки или событийно-сюжетные (в контексте того или иного историко-культурного ландшафта). Группа людей могла быть сфотографирована во время отдыха в санатории, во время экскурсии (Колхозницы на экскурсии) или совместного чтения газет, во время политинформации. Обращает на себя внимание доминирование молодежных коллективов, групп: «АОКМ КП-22547 Фотография групповая. Заведующий политпросветработой. Аппарат РК РЛКСМ XI созыва, 1920 г.», членов коммун: «АОКМ 24966/3 На память тов. Михаилу

Попову о коммуне «Цап-Лап», 1920 г.» и др.

В. Т. Стигнеев пишет, что со второй половины 1920-х гг. «наступает эра улыбающихся персонажей» [Стигнеев, 2021, с. 33], на страницах печатных изданий появляются «улыбчивые рабочие, партийцы, комсомольцы, крестьяне» [Стигнеев, 2021, с. 33]. В коллекции музея можно выделить период 1925–1930 гг., когда люди были изображены более неформально и расслаблено, но ярких экземпляров фотографий, явно имеющих пропагандистский характер, с улыбающимися людьми нет.

Обращают на себя внимание снимки коллективов, где помимо взрослых присутствуют и дети самых разных возрастов. Подобных фотографий очень много в период 1920-х г. На одних снимках это юные пионеры в галстуках, на других – городские или деревенские дети. На некоторых снимках люди держат в руках самые разные предметы (музыкальные инструменты, книги, оружие), частым атрибутом у мужчин является сигарета, головные уборы (кепки, меховые шапки).

В фонде находятся также циклы фотографий, посвященные конкретной ситуации, событию, не повторяющемуся в дальнейшем. К примеру, фотографии, связанные с экипажем парохода «Смидович», арестованным в Испании в 1938 г. После освобождения экипажа из тюрьмы члены были перевезены во Францию. Коллектив был запечат-

лен на фотографиях в различных историко-культурных ландшафтах страны и во время встреч с известными коммунистами Франции.

Для проведения контент-анализа мы выбрали единицами анализа следующие ключевые слова: «коллектив», «сотрудники», «рабочие», «колхозники», «спортсмены», «комсомольцы», «комитет», «команда», «отряд», «бригада», «коммуна», «группа», «бюро», «ячейка», «райком», «актив». Выборка показала, что в указанный период времени данный диспозитив составляет 21 %.

Диспозитив персоналий

К данной группе относятся участники гражданской войны (воевавших на стороне Красной армии), участники красного партизанского движения на севере, герои труда (стахановское движение) и выдающиеся личности (писатели, художники, ученые, мореплаватели и т. д.). Диспозитив также широко представлен в общем массиве. В жанровом отношении он содержит портретную фотографию и снимки «героя» в коллективе, в историко-культурном ландшафте, на месте своей деятельности. Например, «АОКМ КП-22629 Фотография. Н. Н. Приоров – директор лечебно-протезного института, 1939 г.» «АОКМ КП-40154/26 Фотография. О. Ю. Шмидт на борту “Георгия Седова”, 1930 г.», «АОКМ КП-21146 Фотография. С. Г. Писахов среди сотрудников Архангельского краеведческого музея, 1928–1929

(?) г.», «АОКМ КП-48976/2627 Фотография. Хаджи Мурат с партизанами в г. Шенкурске в октябре 1933 г.».

Используя контент-анализ, мы выбрали единицами анализа следующие ключевые слова: «участник», «партизан», «стахановец», «герой труда», «комсомолец», «врач», «полярник», «писатель», «рабочий», также можно выделить некоторые личности «Писахов», «Коковин», «Суфтин», «Вылко», «Хаджи-Мурат», «Приоров», «Норицын», «Усов», «Воронин», «Папанин», «Шмидт». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 18,3 %.

*Диспозитив созидания,
создания «нового»*

К данной группе относятся организации коммун, колхозов, строительство лесопромышленных, целлюлозно-бумажных предприятий и гражданских объектов (домов, новых корпусов больниц), укладка дорог и трамвайных путей в городе Архангельске, освоение новых машин, станков, бытовая культура советских горожан (просмотр кино, посещение домов культуры, детские сады), «новая жизнь» ненецкого народа и т. п. Диспозитив в визуальном отношении наиболее разнообразен. Широко представлены стройки промышленных предприятий, значимых для города Архангельска, например, Архангельской теплоэлектростанции (ТЭЦ), или строительство Северного округа («Суль-

фат») с Соломбальским целлюлозно-бумажным комбинатом (СЦБК), начало строительства города Архангельска.

Например, «АОКМ КП-21829 Фотография. Лесозавод № 5, 1932 г.», «АОКМ КП-9496/11 Фотография. Первая поликлиника в поселке завода, теперь больница № 6, 1936 г.», «АОКМ КП-9496/5 Фотография. Начало строительства жилого посёлка, 1934 г.», «АОКМ КП-19522 Фотография. Трактор “Коммунар 9 г”, оборудованный газовым генератором Декаленкова, 1932 г.», «АОКМ КП-19521 Борищев С. Ф. (?) Фотография. Трактор “Катерпиллер”. Тракторист Мальгин, 1930-е гг.», «АОКМ КП-20631 Фотография. Первый жилой дом трехэтажный, построенный жилищной кооперацией “Водник Севера” на пр. Ломоносова, д. 226, 1936 г.», «АОКМ КП-38534/29 Ф-640 Колесников Фотография. г. Нарьян-Мар. Клуб (?). В ожидании сеанса звукового кино, 1938 г.».

Диспозитив представлен фотографиями производственных процессов, фотографиями новых архитектурных объектов (промышленных и жилых зданий, больниц, клубов), фотографиями различного оборудования новых цехов, машин и т. д. Нужно отметить, что основной материал для строительства домов, больниц, школ и даже промышленных зданий тех лет в Архангельске – дерево.

Единицами анализа для контент-анализа выбраны такие слова, как

«строительство», «стройка», «новое», «предприятие», «укладка», «мостовые», «больница», «поликлиника», «жилье», «барак», «дом», «ТЭЦ», «клуб». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 17,9 %.

Диспозитив разрушения

Данная группа фотографий представлена на тему уничтожение культовых сооружений, репрессии в отношении большевиков (концлагерь на Мудьюге, фотографии барраков) и репрессии времен раскулачивания (спецпереселенцы). Следует отметить фрактальность и отрывочность диспозитива разрушения, связанных с ограниченным количеством поступившего в музей материала. Например, «АОКМ КП-19562 Кононов П. Г. Фотография. г. Архангельск. Снятие куполов с Троицкого собора, 25 апреля 1929 г.», «АОКМ КП-19570 Кононов П. Г. Фотография. Разрушение Успенской церкви в Архангельске, 1929–1930 гг.», «АОКМ КП-42267 Фотография групповая. Дом отдыха имени Левачёва (бывший Сийский монастырь), 1935 г.». Фотографии самих церквей, храмов, запечатленных не в момент разрушения, представлены в количестве 5 штук.

Стоит отметить пласт фотографий спецпереселенцев. Снимки поступили в фонд в начале 1990-х гг. Это как семейные и одиночные портреты, в основном, сделаны в фотоателье, так и фотографии барраков и временного поселения спецпереселенцев, моменты их

труда и быта. Например, «АОКМ НВФ-25881/2 Негатив. Строительство бараков-шалашников для спецпереселенцев. Северный край, 1930 г.»², «АОКМ НВФ-25879/15 Негатив. Группа спецпереселенцев-участников художественной самодеятельности. Северный край. Середина 1930-х гг.», «АОКМ КП-35683 Фотография. Спецпереселенцы-поляки Фальковские Ира и Адам».

Выделим такие единицы для контент-анализа как «разрушение», «снятие куполов», «спецпереселенцы», «собор», «церковь», «барак». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 4,7 %.

Диспозитив

агитационных мероприятий

Данная группа фотографий представлена на тему выставок, митингов и советских праздников. Диспозитив отражает деятельность агитбригады «Синяя блуза», организованной в 1920-е гг. в с. Черевково (ныне Красноборский район Архангельской области). В советской России, «начав в 1923 г. с живой газеты, Синяя блуза вылилась затем в оригинальное синтетическое зрелище малых форм театрального искусства. Раек, частушка, инсценировка, марш-парад, лубок, оратория, скетч, буффонада, гротеск, водевиль, музыкальная комедия – вот путь постепенного усложнения форм синематического зрелища. Сама рожденная революцией, Синяя блуза породила тысячи и тысячи последователей. По СССР к

1927 г. в рабочих клубах и при красных уголках насчитывалось около 7 тысяч кружков синематических (живых газет) [Альбом «Синяя блуза»..., 1928, с. 3].

На фотографиях запечатлены сцены из выступлений агитбригады. Помимо «Синей блузы» существовал и агиттеатр «Зубило», разъезжавший с гастролями по лесозаготовкам. Например, «АОКМ КП-29516/8 Фотография из коллекции В. А. Петровой. Агиттеатр «Зубило» во время поездки по лесозаготовкам Архангельской области, 1930-е гг.», «АОКМ КП-29516/12 Фотография. Актеры театра «Зубило» подписываются на государственный займ, 1930-е гг.». Оба коллектива запечатлены во время спектаклей или творческих номеров, а также на постановочных фотографиях, где артисты позируют или принимают определенные гимнастические позы. Диспозитив советских праздников еще формируется в эти годы, в более поздний период он будет представлен фото-снимками демонстраций, праздничных концертов и т. п. «АОКМ КП-19453/1 Фотография. Архангельск. Выставка, посвященная Красной Армии, 1923 г.». Часто встречаются изображения пионеров и комсомольцев, трудящихся на сборах и митингах, сфотографированные группами в историко-культурном ландшафте, на фоне исторических зданий Архангельска. Например, «АОКМ КП-25821 Фото групповое. Комсомольцы, участие-

вавшие в инсценировках, в день Советской конституции, 1924 г.», «АОКМ КП-25878 Фото групповое. Демонстрация трудящихся города Архангельска. Сбор на пр. П. Виноградова, 1924 г.», «АОКМ КП-25872 Фото групповое. Празднование 5-й годовщины РКСМ в г. Архангельске, 1924 г.».

Для анализа выбрали следующие ключевые слова: «митинг», «демонстрация», «выставка», «спектакль», «агиттеатр», «праздник», «выступление». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 6,5 %.

*Диспозитив освоения
арктических территорий*

Этот диспозитив зачастую содержит фотографии персоналий «покорителей» Арктики, а также природные ландшафты. В 2024 г. в музейный фонд была передана коллекция фотографий, представляющая значительный интерес. Это фотографии советской экспедиции на Северный полюс из семейного архива гидробиолога и полярного исследователя П. П. Ширшова. Ширшов сфотографирован работающим на Северном Полюсе во время строительства первой в мире советской полярной научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс-1». Помимо фотографий с Ширшовым в коллекции находятся снимки И. Д. Папанина и фоторепортажи торжественных встреч участников экспедиции с парохода «Челюскин».

Среди природных ландшафтов можно выделить фотографии с запечатленными на них льдами, скалами, животными (ездовыми собаками и добычей охотников): «АОКМ КП-42196 Прага П. Фотография. Архипелаг Новая Земля. Верховье реки Серебрянки. Ледник вдоль юго-западного склона горы Снежной, 1931 г.».

Уникальна коллекция, поступившая в музей еще в 1938 г., но оформленная в 1990-е гг. (из старых поступлений), фотографа Сокольникова (инициалы не известны). Демонстрирующая освоение и устройство нового быта на Новой Земле в становище Лагерное: «АОКМ КП-38535/23 Ф-664 Сокольников Фотография. Архипелаг Новая Земля. Становище Лагерное. Хранилище трески на чердаке (?), 1938 г.», «АОКМ КП-38535/22 Ф-663 Сокольников Фотография. Архипелаг Новая Земля. Становище Лагерное. Покупатели в магазине, 1938 г.». Представляет интерес лозунг, висящий на стене магазина: «За культурную советскую торговлю в Арктике! За изобилие товаров! За зажиточную жизнь». Фотографии датированы 1937–1938 гг.

Ключевыми словами для контент-анализа являются: «полярник», «полюс», «Арктика», «Маточкин Шар», «Новая Земля», «Земля Франца Иосифа», «экспедиция», «становище», «бухта Тихая». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 12,1 %.

Заключение

Замятин отметил в своей работе, что выделенные им визуальные диспозитивы взаимодействуют и пересекаются, «создают достаточно выразительные визуальные когерентности и интерференции» [Замятин, 2021, с. 75]. Это подтверждают и наши исследования. Тем не менее каждый из диспозитивов характеризуется особыми визуальными образами. К примеру, на фотографии «рабочий-передовик за станком» (диспозитив персоналий) «герой» фотоснимка находится в центре изображения, тогда как «рабочий, испытывающий новое оборудование в цеху» (диспозитив созидания) находится на периферии снимка, главная роль на фотографии отводится самому оборудованию. То же самое можно отметить на фотографиях, изображающих строительство промышленных объектов: группа людей может теряться среди лесов, машин, различного оборудования.

В фотографиях периода 1920–1930-х гг. в фонде Архангельского краеведческого музея доминирует фотография официальная, выполненная фотокорреспондентами, а также коллективные снимки. Любительская фотография тех лет в коллекции практически отсутствует, хотя массовое фотодвижение началось во второй половине 1920-х гг. Бурный, противоречивый в своих тенденциях период массового фотолюбительского движения закончился к концу 1930-х гг., но

индивидуально любители продолжали заниматься фотографией. Одним из них был Роман (Людвиг) Армандович Зефтиген. Его фотографии были получены в фонд музея в 1979 г. от супруги Ирины Ивановны. В коллекции представлены снимки ее родителей, родных, самого Зефтигена, брата и супруги фотографа в разные годы жизни, а также фотографии с изображением природных ландшафтов Кольского полуострова. Р. А. Зефтиген в 1930-е гг. работал на «Сульфатстрое» техником-нормировщиком, но был осужден в 1939 г. по ст. 58-10 п.1 УК РСФСР, реабилитирован посмертно 12 ноября 1957 г. Пополнение фонда любительскими фотографиями 1920–1930-х гг. является одной из основных задач плана комплектования музейного фонда.

В коллекции этого периода семейные фото составляют небольшой процент. Если они и представлены в связи с тем или иным «героем», то в основном это фотография, сделанная или до 1917 г. (например, родители с ребенком на коленях – рудимент диспозитива семейных портретов дореволюционного периода), или сделанные в первые годы советской власти, когда, судя по паспорту, еще работали частные фотографы-профессионалы. В конце 1920-х гг. «стремление увековечить себя, родню, знакомых» стало считаться пошлым» [Стигнеев, 2005, с. 83], а фотограф-любитель, который пользовался фотоаппаратом «для беско-

нечного фотографирования “дорогих родственников”, друзей и знакомых» не имел права «претендовать на звание советского фотолюбителя» [Стигнеев, 2005, с. 65].

Возможно, поэтому семейные фотографии этого периода оставались в частных руках и коллекциях, многие из них были безвозвратно утрачены, что в настоящее время значительно обедняет собрание фотографий музея.

В коллекции фотографий Архангельского краеведческого музея первых двух десятилетий советской власти практически отсутствуют пейзажные фотографии. Работы этого жанра с высоких трибун объявлялись аполитичными: «Закатная грусть в духе Левитана чужда советской эпохе» [Б. Ж., 1937, с. 13]. В этом жанре работали фотохудожники «старой школы». Преобладало тенденциозное мнение о «пошлости и безвкусице дореволюционной фотографии», которое нужно преодолевать советскому фотографу [Наппельбаум, 1958].

При этом именно пейзажная фотография на выставках пользовалась большим успехом. По поводу фото-

снимков одного из старых мастеров, пользовавшихся большим вниманием посетителей, было сказано, что в этих пейзажах, «если и нет церкви, то звон её чувствуется в воздухе», а потому такой пейзаж «нам» не нужен [Стигнеев, 2005, с. 15].

В коллекции отсутствуют изображения сакральных ландшафтов, за исключением моментов разрушения церковей или фотографий культовых сооружений, которые в советское время использовались в других целях. Также отсутствуют изображения архитектурных видов, если это не новые здания.

Таким образом, проведенное исследование визуальных диспозитивов советского пространства Архангельского Севера в эпоху «Великого перелома» позволяет проследить кардинальные социополитические и социокультурные трансформации и революционные новации, соответствующие «эстетическим нормативам и идеологическому обрамлению» [Стигнеев, 2005, с. 5], формирующимся канонам и парадигмам советской визуальной культуры.

Примечание

¹ Здесь и далее публикуются название и инвентарный номер по книге поступления Архангельского краеведческого музея (АОКМ КП – Архангельский областной краеведческий музей. Книга поступлений).

² АОКМ НВФ – Архангельский областной краеведческий музей, научно-вспомогательный фонд.

Библиографический список

1. Аванесов С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1. С. 10–22.

2. Альбом Синяя блуза С. С. С. Р. / ред. Б. Южанин. Москва : 7-я тип. «Искра революции» Мосполиграфа, 1928. 112 с.
3. Афанасьевская Н. В. Семиотические аспекты фотографии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Москва : КДУ : Добросвет, 2018. Вып. 2. С. 58–60.
4. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. Санкт-Петербург : Издво Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.
5. Б. Ж. Краски и бодрость (к нашим меццо-тинто) // Советское фото. 1934. № 7. С. 37.
6. Бронникова Е. П. Архангельская фотография (1847–1931). Архангельск : Правда Севера, 2014. 447 с.
7. Горбаткова О. И. Основные направления развития медиаобразования на материале фотографии в 1920-е годы в СССР // Медиаобразование. 2014. №4. С. 15–23.
8. Дроздова-Пичурина Н. Н. Методология исследования советских фотографических выставок 1920-1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2012. №3. С. 78–83.
9. Заковырина Н. С. Дискуссия о формализме и натурализме в советской фотографии в середине 1930-х годов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. №8 (63). С. 31–35.
10. Замятин Д. Н. Геокультурное пространство Арктики: визуализация ландшафтов и онтологические модели воображения // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 1 (27). С. 48–94.
11. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
12. Карасик М. Фотокнига СССР. Санкт-Петербург : РОСФОТО, 2015. 152 с.
13. Логинов А. Искусство реальности. Фотография рубежа XIX–XX веков. Москва : Арт-Сервис – ЛТД, 2015. 280 с.
14. Наппельбаум М. С. От ремесла к искусству. Москва : Искусство, 1958. 241 с.
15. Научное описание фотографических материалов: Метод. Рекомендации / сост. : И. Д. Иванова, А. П. Попов ; науч. ред. : Г. Г. Григорян. Москва : Политехн. Музей, 2004. 80 с.
16. Смирнова Ю. С. Советские съезды и заседания: фотографии с 1918 по 1981 год // Российский этнографический музей. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2468> (дата обращения: 10.01.2025).
17. Соболева А. Н. Бытовая культура советских горожан в 1920-1930-е гг. // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. №3. С. 20–25.
18. Соколов И. Фотография как искусство // Фотограф. Всероссийское общество фотографов. 1928. № 11–12. С. 323–384.
19. Становление советской пресс-фотографии // История российской фотожурналистики. URL: https://russpressphoto.ru/history_1920-1935 (дата обращения: 10.01.2025).

20. Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. Москва : КомКнига, 2005. 392 с.

Reference list

1. Avanesov S. S. Chto možno nazыvat' vizual'noj semiotikoј? = What can be called visual semiotics? // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki. 2014. № 1. S. 10–22.
2. Al'bom Sinjaja bluza S.S.S.R. = Album Blue Blouse U.S.S.R. / red. B. Juzhanin. Moskva : 7-ja tip. «Iskra revoljucii» Mospoligrafa, 1928. 112 s.
3. Afanas'evskaja N. V. Semioticheskie aspekty fotografii = Semiotic aspects of photography // Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikacija: sb. nauch. tr. Moskva : KDU : Dobrosvet, 2018. Vyp. 2. S. 58–60.
4. Bojcova O. Ju. Ljubitel'skie foto: vizual'naja kul'tura povsednevnosti = Amateur photos: the visual culture of everyday life. Sankt-Peterburg : Izdvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 266 s.
5. B. Zh. Kraski i bodrost' (k nashim mecco-tinto) = B. G. Colors and vigor (to our mezzo-tinto) // Sovetskoe foto. 1934. № 7. S. 37.
6. Bronnikova E. P. Arhangel'skaja fotografija (1847–1931) = Arkhangelsk photography (1847–1931). Arhangel'sk : Pravda Severa, 2014. 447 s.
7. Gorbatkova O. I. Osnovnye napravlenija razvitija mediaobrazovanija na materiale fotografii v 1920-e gody v SSSR = The main trends in the development of media education on the material of the USSR photography in the 1920s // Mediaobrazovanie. 2014. №4. S. 15–23.
8. Drozdova-Pichurina N. N. Metodologija issledovanija sovetskih fotograficheskikh vystavok 1920-1930-h godov = Methodology of studying Soviet photography exhibitions in the 1920-1930s // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2012. №3. S. 78–83.
9. Zakovyrina N. S. Diskussija o formalizme i naturalizme v sovetskoј fotografii v seredine 1930-h godov = Discussing formalism and naturalism in Soviet photography in the mid-1930s // Vestnik JuUrGU. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2006. № 8 (63). S. 31–35.
10. Zamjatin D. N. Geokul'turnoe prostranstvo Arktiki: vizualizacija landshaftov i ontologicheskie modeli voobrazhenija = Arctic geocultural space: visualization of landscapes and ontological models of imagination // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki. 2021. № 1 (27). S. 48–94.
11. Kaganskij V. L. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo = Cultural landscape and Soviet inhabited space : Sbornik statej. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 576 s.
12. Karasik M. Fotokniga SSSR = The USSR photobook. Sankt-Peterburg : ROSFOTO, 2015. 152 s.
13. Loginov A. Iskusstvo real'nosti. Fotografija rubezha XIX–XX vekov = The art of reality. Photography at the turn of XIX-XX centuries. Moskva : Art-Servis – LTD, 2015. 280 s.
14. Nappel'baum M. S. Ot remesla k iskusstvu = From craft to art. Moskva : Iskusstvo, 1958. 241 s.

15. Nauchnoe opisanie fotograficheskikh materialov = Scientific description of photographic materials : metod. rekomendacii / sost.: I. D. Ivanova, A. P. Popov ; nauch. red. : G. G. Grigorjan. Moskva : Politehn. Muzej, 2004. 80 s.

16. Smirnova Ju. S. Sovetskie s#ezdy i zasedanija: fotografii c 1918 po 1981 god = Soviet congresses and meetings: photographs from 1918 to 1981 // Rossijskij jetnograficheskij muzej. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2468> (data obrashhenija: 10.01.2025).

17. Soboleva A. N. Bytovaja kul'tura sovetskih gorozhan v 1920–1930-e gg. = Household culture of Soviet city dwellers in the 1920s–1930s // Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovanija Vnutrennej Azii. 2018. №3. S. 20–25.

18. Sokolov I. Fotografija kak iskusstvo = Photography as art // Fotograf. Vserossijskoe obshhestvo fotografov. 1928. № 11–12. S. 323–384.

19. Stanovlenie sovetskoj press-fotografii = The rise of Soviet press-photography // Istorija rossijskoj fotozhurnalistiki. URL: https://russpressphoto.ru/history_1920–1935 (data obrashhenija: 10.01.2025).

20. Stigneev V. T. Vek fotografii. 1894–1994. Oчерki istorii otechestvennoj fotografii = The age of photography. 1894–1994. Essays on the history of Russian photography. Moskva : KomKniga, 2005. 392 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025